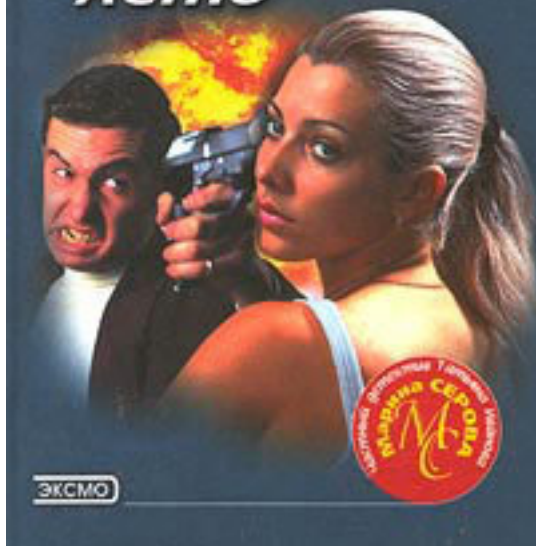

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

Взрывное лето

Марина С. Серова
Ошибка Купидона
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166921

*Серова М. С. Взрывное лето. Прогулка с продолжением. Ошибка
Купидона: Повести: Эксмо; М.; 2001
ISBN 5-04-007157-4*

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Марина СЕРОВА

ОШИБКА КУПИДОНА

Глава 1

Просто никакого сладу с этими соседями.

То все как один вдруг заводят себе собак, и по собственному подъезду приходится передвигаться, как по минному полю. С той небольшой разницей, что, вляпавшись в собачье дерьмо, не отправишься на тот свет.

То вот теперь один за другим они принялись заменять двери. И ведь не на какие-нибудь, а на самые что ни на есть металлические, с разными премудрыми замками.

Можно подумать, в подъезде проживают одни миллионеры и у них в квартирах хранятся золото и бриллианты на баснословные суммы. Так ведь нет! Уж кому-кому, а мне-то прекрасно известно, что большая часть моих прекрасных соседей живет от зарплаты до зарплаты и эти самые двери – самая дорогая вещь, приобретенная ими за всю жизнь.

Но уж коли один дуралей поставил себе эту громадину, то теперь они не успокоятся, пока не отгородятся от мира железными монстрами.

А меня они точно доконают своими дрелями и отбойными молотками. Такое ощущение, будто живу на строитель-

ной площадке. Причем – перед сдачей объекта, когда работа ведется в три смены, а иногда и сутками напролет. Весь дом трясется, как Помпея в последний день, и уши закладывает от грохота.

Не то что выспаться – в ванную сходить невозможно. А в такой обстановке я мыться не люблю. Поэтому не моюсь уже две недели. Я имею в виду – по-человечески.

И если до сих пор я чудом жива, то только потому, что редко бывала дома.

Работа у меня такая. Мягко говоря – необычная. Поскольку зарабатываю я себе на жизнь, трудясь в качестве частного детектива. Уже несколько лет я занимаюсь этим полезным во всех отношениях делом и ничуть об этом не жалею. Хотя иногда чувствую себя такой загнанной клячей, что впору бросить все эти погони и обыски и заняться, как советуют подруги, чем-нибудь скромненьким, «чисто женским».

Будто мое дело «грязно женское».

Хотя, конечно, как посмотреть. В переносном смысле иной раз приходится копаться в таком... Да, в прямом смысле «непыльной» мою работу назвать довольно сложно.

Зато пока она у меня была, соседские прихоти – обзаведение собаками и особенно громогласное возведение металлозаграждений – меня мало касались. Тем более что вообще-то соседи – люди неплохие, и сама я вовсе не ворчливый или неуживчивый человек, как раз наоборот. Просто вот уже неделю я безвылазно сижу дома, потому что в делах насту-

пил неожиданный перерыв. Сiju я и слушаю, как стены трясутся и посуда на кухне дребезжит.

Тут и у ангела характер испортится. Честное слово.

Я всегда так мечтаю о «дне без выстрела»... А тут как на зло – клиенты не звонят, не приходят.

Может, дать объявление в газету? «Молодой, но очень опытный частный детектив возьмется за любую работу. Обращаться круглосуточно».

Нет. До этого я не опускаюсь.

В поисках причины простоя в работе я начала терять голову.

«Видимо, во всем виновата жара, – размышляла я. – Последние дни термометр на балконе стабильно показывает за сорок, даже удивительно, как до сих пор не лопнул. Поэтому, наверное, преступникам лень выходить на улицу, а пострадавшим, если таковые имеются, неохота идти за помощью. Но как только станет чуточку прохладнее – клиенты толпой побегут ко мне и встанут в очередь километровой длины...»

Таким образом успокаивая себя, я в пятый раз за день под аккомпанемент отбойных молотков отправилась в душ, потому что жара, несмотря на плотно закрытые шторы и работающий на полную мощь вентилятор, изматывала не меньше строительных шумов. И только я встала под упругую прохладную струю, как услышала телефонный звонок.

– Черта лысого! Ни за что не подойду, – гордо заявила я вслух. – Раньше надо было звонить...

И как была, мокрая и голая, рванула к телефонной трубке, оставляя на горячем паркете следы тридцать шестого размера.

— Добрый день, — как можно спокойнее ответила я в трубку, лишь только услышала приятный мужской баритон, интересующийся, действительно ли он говорит с частным детективом Татьяной Ивановой. — Да, это я. Постараюсь вам помочь.

* * *

Неделю назад я отказалась бы от этого дела под любым благовидным предлогом. Скорее всего сослалась бы на хроническую занятость.

Дело в том, что адюльтер меня мало интересует. Следить за похотливыми женушками «новых русских» не доставляет мне никакого удовольствия. Ни человеческого, ни профессионального.

Но теперь не до капризов. На безрыбье и супружеская измена сгодится — лишь бы не сидеть дома, слушая строительную музыку трудолюбивых соседей.

История, судя по всему, самая незатейливая, можно сказать, банальная. Не очень молодой супруг подозревал в неверности свою красавицу-жену и готов был заплатить любые деньги, чтобы вывести ее на чистую воду, и в два раза больше, если я раздобуду доказательства ее невиновности.

На двойной гонорар рассчитывать не приходилось. Сколько у меня ни было таких дел, чем богаче клиент, тем больше вероятность того, что он украшен рогами. Видимо, за богатых выходят женщины, не слишком щепетильные в этом отношении. Или брак по расчету хорош по всем статьям, но иной раз хочется и любви. И всегда находится какой-нибудь «красавец-мужчина», контрабандно пользующийся расположением скупающей красавицы.

Одним словом, богатые тоже плачут.

А может быть, у бедных просто не хватает денег на частного детектива.

Скорее всего второе. «Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», как писал Лев Николаевич. А он в этом деле разбирался.

Но пока я не знала никаких подробностей. Разговор был совсем коротким, клиент не хотел ничего объяснять по телефону и просил о встрече через полтора часа.

Я пригласила его домой, хотя обычно этого не делаю. Но, во-первых, мне совершенно не хотелось в такую жару торчать на солнцепеке, а во-вторых, нужно было привести себя в порядок.

За неделю вынужденного отшельничества я немного потеряла форму, поскольку совершенно не занималась своей внешностью. А встречают, как известно, по одежке. Поэтому при первом свидании с клиентом я должна выглядеть безукоризненно.

Мне едва хватило часа, чтобы вымыть, высушить и оформить голову, переодеться и накраситься в соответствии с моими представлениями о респектабельности и выпить чашечку кофе.

Результатом я осталась довольна. Эффектная, но без вызова, молодая, но не «сопливая». Тот самый имидж, к которому я пришла методом долгих проб и ошибок и который производил на окружающих неизгладимое впечатление.

У меня еще оставалось несколько минут, чтобы кинуть кости.

Дело в том, что я никогда ни с кем не советуюсь по поводу своей работы, за исключением магических костей. А к их помощи я прибегала неоднократно и настолько успешно, что с некоторых пор не начинаю ни одного дела, пока не получу от них благословения. При том, что ни кофейной гуще, ни картам я не верю и к гороскопам отношусь скептически.

Да, косточки – это совсем другое дело. Я отношусь к ним как к живым, каковыми они и являются, по моему глубокому убеждению. Поэтому я не только гадаю, но и просто разговариваю с ними, а иногда мы даже ссоримся.

Именно это произошло дней пять назад, когда они из вредности три или четыре раза подряд выкинули одно и то же сочетание чисел: $36 + 20 + 2$, что означает: «Выходите замуж при первой предоставившейся вам возможности». Если первый раз я приняла это за шутку (а у моих костей удивительно тонкое и своеобразное чувство юмора), то на третий

раз серьезно разозлилась и несколько дней не брала их в руки.

Два дня назад я решила, что пора помириться. Попросив у них прощения, протерла кости тряпочкой и кинула на стол с максимальной бережностью. В ответ получила: $25 + 6 + 17$. И еле сдержалась, чтобы не вышвырнуть двенадцатигранники в окошко. А как бы вы отреагировали на такое высокомерие? Ведь это сочетание означает следующее: «Поймите, принести извинения недостаточно! Надо исправлять совершенные вами ошибки». Ни больше, ни меньше!

После этого мы снова два дня «не разговаривали».

Но теперь мне было не до мелких обид. Как можно быстрее я хотела узнать, что сулит мне новое дело, и, сделав вид, что между нами ничего не произошло, с нетерпением кинула кости на кухонный стол.

Иногда после подобных ссор они отказываются отвечать на прямо поставленные вопросы, пока я не вымолю у них прощения, и показывают, например, такое: $25 + 8 + 17$, то есть – «Вы способны несправедливо обидеть любящих вас людей». Но на этот раз кости не пожелали помнить зла и ответили вполне по делу: $26 + 7 + 14$. В переводе это вот что: «Ожидаются переживания, связанные с вашим согласием участвовать в деле, от которого вы не ждете ничего хорошего».

Это было уже интересно.

Не всегда «слова» магических косточек надо понимать

буквально. За ними иногда кроется нечто большее. За время нашего общения я научилась читать между строк и, может быть, поэтому получаю от них действительно важную для меня информацию.

На этот раз, кроме прямого значения фразы, я увидела в ней и неожиданный для меня интерес, и столь же неожиданное его завершение. Косточки предупреждали меня, что нужно избавиться от предвзятого отношения к новому делу. Иногда, если хочешь уточнить рекомендацию костей, можно бросить их еще раз. Только я собралась это сделать, как прозвенел звонок в дверь. Поблагодарив своих помощников (это необходимая часть ритуала), я пошла открывать.

Передо мной стоял человек, по внешности которого я бы никогда не сказала, что он принадлежит к зажиточному классу. Более того, он настолько не был похож на богатого человека, что это сразу вызвало у меня интерес.

Ко мне редко обращались люди бедные. И лишь тогда, когда совсем, что называется, нужда припрет. Но в основном мои клиенты – люди, для которых двести долларов в день (а у меня именно такая ставка) – не деньги.

– Вениамин Зеленин, – протянул он мне руку через порог, но из суеверия сразу же спрятал ее за спину.

– Татьяна Иванова, – ответила я с улыбкой, поскольку мужичок показался мне забавным. – Проходите.

Вениамин снял у порога ботинки и поискал глазами тапочки. Нет, он совершенно не походил на традиционного

клиента.

Я подала ему свои старые тапочки, в которых он сразу же стал похож на холостяка со стажем, трогательного и беззащитного. Для полноты образа ему не хватало только газеты с кроссвордом в руках.

Я пригласила его в комнату и усадила в глубокое мягкое кресло. Но он и в нем умудрился выглядеть неуверенно. Сел на самый край, положив руки на колени.

– Сколько в моем распоряжении времени? – спросил он, посмотрев на часы, и этим еще больше расположил меня к себе. Люди, умеющие ценить чужое время, – редкость в наши дни.

– С этой минуты я работаю на вас, – ответила я ему, и он приободрился. Уселся поудобнее, откинулся на спинку кресла и приготовился к долгому разговору.

Как обычно, я включила диктофон, на который он покоился с недоверием, но ничего не сказал.

– Расскажите немного о себе, – попросила я, чтобы понять, с кем имею дело.

– Да-да...

Вениамин передохнул и сосредоточился. Эта небольшая пауза позволила мне как следует его рассмотреть.

Около сорока, довольно симпатичный брюнет, одет недорого, но со вкусом, хотя и немного неряшливо. Средний палец правой руки с характерным желтым пятном заядлого курильщика.

– Можете курить, – предложила я и поставила перед ним пепельницу.

– Спасибо, – кивнул он головой и достал из сумки сигареты и зажигалку.

Сумка у него была из натуральной кожи, каких я не видела в продаже у нас. Я привезла себе похожую из Америки, заплатив за нее бешеные деньги.

Глубоко затянувшись дешевой сигаретой, Вениамин приступил к рассказу.

– Я веду довольно необычный образ жизни... Дело в том, что я цирковой режиссер...

«Вот оно что, – подумала я, – наградил же бог профессией». Я уже начала голову ломать – к какой категории граждан отнести моего посетителя. Можно было перебирать профессии до вечера, но эту не вспомнить.

– Редкая профессия, – ответила я с самым невозмутимым видом.

Профессия действительно была редкой. А для меня еще и загадочной. Мы много слышим о кинорежиссерах, чуть меньше – о режиссерах театра, но про режиссеров цирка почему-то не слышим никогда. Я, например, в жизни не видела цирковой афиши, на которой бы крупными буквами было написано: «Программа поставлена режиссером таким-то». То ли это не принято в цирке, то ли по какой другой причине, но цирковые режиссеры для большинства публики как бы и не существуют. И я до сих пор не знаю, кто ставил номера

Никулину или Енгибарову. Или они сами репетировали их перед зеркалом.

– Я много езжу и иногда неплохо зарабатываю. Хотя по нынешним меркам не так много... – продолжил Вениамин.

– А жена у вас тоже в цирке работает? – уточнила я, чтобы до конца представлять себе картину.

– Ну что вы, – впервые улыбнулся мой новый знакомый, – Светлана – искусствовед и в настоящее время не работает, то есть нигде не состоит на службе. Иногда в газетах появляются ее статьи...

– Она моложе вас? – поинтересовалась я, поскольку в его голосе мне послышалась та доля умиления, с которой стареющие мужчины обычно говорят о своих молодых подругах.

– Да, и намного, – кивнул он головой и посмотрел на меня с подозрением и затаенной болью, видимо, боясь обнаружить на моем лице насмешку.

– И вы подозреваете, что она вам изменяет?

Вениамин покачал головой, будто бы я допустила бестактность.

– Я бы не стал торопиться с выводами, – деликатно поправил он меня. – Но что-то с ней происходит неладное. И это меня беспокоит.

«Боже мой, какие мы ранимые, – мысленно вздохнула я. – „Что-то происходит...“ Понятно, что происходит. Иначе не побежал бы к частному детективу».

– Вы хотите, чтобы я последила за ней, за ее... контакта-

ми? – спросила я, подбирая максимально тактичные выражения.

– Я хочу знать, что с ней происходит, – твердо ответил Вениамин. И достав из сумки конверт, немного демонстративно передал его мне. – Это аванс.

Ну что же, в каком-то смысле он прав. Мое дело – выполнить задание клиента, принимая все правила его игры. Именно за это мне и платят.

– В таком случае, расскажите мне как можно подробнее, что в ее поведении вызывает ваше беспокойство.

Произнеся эту фразу, я поняла, что вполне могла бы стать дипломатом. И чувство гордости наполнило меня до краев. Ведь я приготовилась слушать подробности, заранее предвидя традиционный «джентльменский набор»: подозрительные запахи, поздние возвращения домой, ночевки у «подруг» и так далее.

Скучно. Подобная информация, безусловно, развлекала бы старушек на лавочках у подъездов. Да и то на часик-другой, не больше. В конечном итоге все эти истории однообразны, как порнографические фильмы. Так как ничего нового в этой области человеческих отношений придумать невозможно.

Поначалу все звучало именно так, как я и предполагала.

Вениамин встретил свою будущую жену чуть больше года назад, и через месяц с небольшим они зарегистрировали свои отношения. Ему было сорок, ей – двадцать пять, роман

был бурный и привел к счастливой развязке, если свадьбу считать непременно и достаточным условием happy end. Шесть месяцев с небольшими перерывами на время постановок цирковых программ в других городах продолжались их медовые восторги, но потом...

А вот потом фраза за фразой в рассказе Вениамина стали проскальзывать странные, я бы сказала, не очень уместные в этом сюжете мотивы.

Прежде всего меня удивила такая интимная в устах шепетильного в этом отношении Вениамина информация: Светлана с некоторых пор стала ненасытной в любви. То есть она и раньше не была холодной, но теперь... Вениамин употребил странное выражение: «Она каждую ночь как будто прощается со мной перед смертью». Согласитесь – не самая обычная фраза для характеристики отношений с женой. Даже если делать скидку на принадлежность моего клиента к «людям искусства».

А сам этот взрыв чувственности после полугода регулярной половой жизни... Традиционной я назвала бы прямо противоположную ситуацию. Заводя молодого любовника, женщина начинает избегать «исполнения супружеских обязанностей».

Вениамин волновался и курил одну сигарету за другой. В его рассказе не прозвучало ни одного слова осуждения или злобы по отношению к Светлане. Хотя он и допускал (я добилась от него этого признания), что у нее, возможно, по-

явился другой мужчина. Но признание это настолько потрясло его, что минут пять мне пришлось буквально приводить его в чувство, потому что Вениамин сидел, уставившись в одну точку, с выражением ужаса на лице и не откликался на мои обращения.

Я решила напоить его кофе и оставила ненадолго одного. Вернувшись, застала в той же позе с очередной сигаретой в зубах.

Решив перевести разговор на другую тему, я из любопытства задала, как мне казалось, безобидный вопрос:

– А до Светланы вы были женаты?

Но вопрос произвел на Вениамина странное впечатление. Я могла поклясться, что он испугал его. И мне почудилось что-то неладное.

– Нет, – торопливо ответил он и начал прикуривать зажженную сигарету. – Вернее, был, хотя мы не были расписаны... Она погибла.

– Извините, – опешила я. – Давно?

– Шесть лет назад.

Я пожалела, что заговорила об этом, потому что его предыдущая жизнь имела минимальное отношение к моему заданию.

– Вы принесли фотографию Светланы? – уже с опаской спросила я.

– Конечно. Вот...

На фотографии было очаровательное юное существо, со-

четающее в себе красоту и интеллигентность. С первого взгляда было понятно, что Светлана, как говорится, из хорошей семьи.

– Сколько ей тут? – поинтересовалась я, поскольку на фотографии она выглядела не старше двадцати.

– Двадцать пять... с половиной. Это сразу после свадьбы.

– Совсем девчонка, – искренне удивилась я. Тем более что, услышав слово «искусствовед», представила себе высокомерное создание в украинской кофте, в очках и с длинной косой.

– Ей никто не дает ее возраста, – улыбнулся Вениамин, и выражение отчаяния наконец исчезло с его лица.

Он взял в руки чашку с остывающим кофе и отхлебнул с явным удовольствием.

– Очень хорошо, – по достоинству оценил он напиток и ни разу не опустил чашку на стол, пока не выпил все до последней капли.

Я заметила, что руки у него дрожали, хотя по его виду не сказала бы, что он злоупотребляет спиртным.

– Может быть, рюмку коньку? – все же предложила я.

– Спасибо, не хочу, – ответил он не задумываясь, что лишний раз подтвердило мои наблюдения. Даже умеренно пьющий человек делает паузу, прежде чем отказаться от алкоголя. А по-настоящему пьющий – никогда не отказывается.

Может быть, благодаря кофе, а может, потому что самая сложная часть разговора была позади, Вениамин начал по-

немногу приходить в себя и оглядываться по сторонам.

– А у вас хорошо, – подвел он итог наблюдениям.

– Спасибо.

– Нет, правда, цирковые люди умеют ценить домашний уют. В вашу квартиру хочется возвращаться.

– А бывают квартиры, в которых и появляться не стоит? – рассмеялась я.

– Мне кажется, таких – большинство.

– Тем более – спасибо.

Я выключила диктофон, чтобы мой гость совершенно расслабился, и задала ему еще несколько необходимых вопросов.

Мы договорились, что я начну работать с завтрашнего дня. Тем более что Вениамину нужно было срочно уехать на несколько дней, а в его отсутствие, как он сказал, Светлана вполне могла предпринять что-нибудь такое, на что не решилась бы, останься он в Тарасове.

Я не стала уточнять, что именно «такое», чтобы лишний раз не травмировать своего клиента, но ситуация складывалась классическая. Муж уезжает в командировку... Почти как в анекдоте. С той небольшой разницей, что в большинстве анекдотов муж из командировки как раз возвращается.

Я попросила у Вениамина ключ от его квартиры, и, после некоторого колебания, он согласился отдать его мне перед отъездом.

Прощаясь, он извинился за прокуренную квартиру и еще

раз поблагодарил за кофе.

Оставшись одна, я прослушала запись нашего разговора и еще раз как следует рассмотрела оставленную Вениамином фотографию. Светлана выглядела на ней такой счастливой. А ведь вскоре, судя по всему, у нее кто-то появился. Воистину женская душа – загадка. И не только для мужчин.

Мне пришли на ум слова предсказания: «Ожидаются переживания, связанные с вашим согласием участвовать в деле, от которого вы не ждете ничего хорошего». Час назад вторая часть этого утверждения казалась совершенно справедливой. Я действительно думала о будущей работе почти с отвращением. Но теперь поймала себя на мысли, что приступаю к ней с интересом. Меня заинтриговали эти люди, их странные отношения и сильные чувства.

Может быть, косточки и назвали все это «переживаниями»?

В таком случае – они были правы.

Как знать...

Во всяком случае, у меня снова есть работа.

Глава 2

Накануне я пораньше легла спать, чтобы утро рабочего дня встретить во всей полноте нерастраченной женской красоты и здоровья. Мысли мои были настолько заняты предстоящим расследованием, что, ей-богу, я даже не заметила – работали или нет в тот вечер дрели и отбойные молотки.

Не успев открыть глаза, я улыбнулась предстоящему дню. И день в ответ возликовал, устроив в мою честь грандиозный салют. Небеса разверзлись, и за какие-нибудь полчаса на город выпала месячная норма осадков.

Несмотря на кратковременность, дождь был поистине благодотворен, потому что все мертвое воскресло, а живое прослезилось от счастья. Одним словом, жара уже не столь изнуряла. И можно было рискнуть выйти на улицу, не боясь расплавиться. Хотя одежда моя все равно состояла лишь из пары бретелек на плечах и кусочка материи на теле. Приделась я таким образом, чтобы не выделяться из толпы, поскольку большая часть молодых женщин Тарасова была скорее раздета, чем одета. Пресыщенные бесконечным лицемерием женских прелестей мужчины похудели и выглядели затравленно.

Наполеоновских планов на сегодняшний день я не строила. Вениамин, по моим сведениям, находился дома. Светлана наверняка не станет искушать судьбу до его отъезда, если

у нее окончательно не поехала крыша от любви. Для начала не мешало прогуляться по их району, посмотреть, в каком доме они живут. В конце концов, я могла встретить на улице Светлану, а как известно, лучше один раз увидеть человека живую, чем просмотреть целый альбом с его фотографиями. Себя, например, на фотографиях я узнаю с трудом. И путаю со знаменитой «супермоделью».

Тарасов – огромный город, но центральная часть его настолько компактна, что при желании ее можно обойти за полчаса. Мне же понадобилось вдвое меньше времени, чтобы очутиться у нужного подъезда, ведь дом, где проживало «святое семейство», находился неподалеку от моего.

Это была старая, основательно выстроенная «сталинка». В прежние времена получить здесь квартиру мог лишь представитель партийной знати. На худой конец – народный артист, да и то – за особые заслуги. Теперь дом был уже не столь престижным, но квартиры в нем остались прежними – «широкоформатными» и с высокими потолками, поэтому вполне могли конкурировать по комфорту с самыми дорогими новостройками. А после евроремонта могли выглядеть и покруче.

Перед домом давал немного тени аккуратный «старорежимный» скверик с гипсовой скульптурой на самом видном месте. Теперь уже трудно понять, была ли это «женщина с веслом» или «герой Гражданской войны», но, потерявшая в

борьбе со временем форму и позеленевшая, она придавала дворику некоторую итальянскую изысканность. А в сочетании с пожелтевшими от жары каштанами напоминала о Южной Франции.

Мое воображение разыгралось, так что, присев на лавочку и закулив сигарету, я небрежно, совершенно по-французски закинула ногу на ногу и поймала себя на том, что смотрю на окружающих сверху вниз с неотразимо-чувственным прищуром, как, по слухам, умеют смотреть только француженки. Если честно, в Париже я ничего такого за француженками не заметила, но стереотипы удивительно живучи. В театре, во всяком случае, их изображают именно такими.

Мое лицедейство не осталось без внимания, к тому же воспринято было совершенно превратно. Буквально через пару минут из стоявшей поблизости машины вышел необъятных размеров молодой человек и, истекая слюной, предложил предаться с ним восторгам любви. Проще говоря, меня приняли за проститутку. Какой позор.

Мой чисто русский ответ его слегка обескуражил, но, по моему, не обидел. Извинившись, он вернулся в машину и задремал.

Докулив сигарету, я собралась уже покинуть гостеприимный скверик и вернуться домой, но в этот самый момент из подъезда вышла... моя школьная подруга. Зная ее разговорчивость, я вздохнула обреченно.

У частного детектива должно быть много знакомых во

всех слоях общества. Это прописная истина. Но как сделать так, чтобы эти знакомые появлялись в нужный момент и не появлялись в самый неподходящий? Ответа на этот вопрос я не нашла ни в художественной, ни в специальной литературе.

– Привет, – нараспев произнесла бывшая троечница, и ее уставшая от косметики кожа покрылась мелкими морщинами. – Тебя и не узнать...

Это было неправдой. Я почти не изменилась с нашей последней встречи. Но в тот момент я бы дорого заплатила, чтобы время действительно не пощадило меня и превратило в чудовище, в котором разглядеть Таню Иванову было бы абсолютно невозможно.

– Кого ожидаем? – скорее пропела, чем проговорила она с таким подтекстом, словно застала меня за непристойным занятием. – Он богат и красив? – продолжила она свою арию, а я все никак не могла придумать ответ достаточно страшный, чтобы на всю жизнь отбить у нее желание встречаться со мной.

Меня спас тот самый безразмерный молодой человек, который за пять минут до этого набивался ко мне в секс-трены. Он напомнил о своем существовании настойчивым «бибиканьем» своей навороченной тачки, и моя школьная подруга вспыхнула, как девочка.

– Извини, меня ждут, – прошептала она, вытворяя со своим лицом что-то невообразимое. Я вспомнила, что в школе

она мечтала стать актрисой и играла в самодеятельности. – Бай-бай, – снова пропела подружка, подмигнув сразу обоими глазами. А в довершение сцены она послушавила указательный пальчик и прикоснулась им к моему лицу, изображая поцелуй.

Мое лучезарное настроение отъехало быстрее машины ее хахалы. Не знаю, кто из них вызвал у меня большее отвращение, но эти двое были созданы друг для друга.

Мысленно пожелав обоим «сибирского здоровья и кавказского долголетия», я опять собралась было уйти, но на этот раз из подъезда вышла Светлана, изменив мои планы окончательно и бесповоротно. Забавно – благодарить за эту встречу я ведь должна одноклассницу: если бы не ее картинное появление, меня бы здесь давно уже не было.

Светлану я узнала с первого взгляда. Она почти не изменилась за полгода. Только на фотографии она, казалось, светила от счастья, а теперь ее тонкие черты были подпорчены выражением озабоченности и печали. Мне даже показалось, что она не совсем здорова.

Мне ничего не оставалось делать, как отправиться следом за ней. Ах, как жаль, что я не перекусила перед выходом из дома. Чашка кофе с утра – явно недостаточный запас калорий. А кто мог теперь сказать, до каких пор мне придется за ней мотаться? Ее костюм ничего не мог подсказать в этом смысле: по нынешним временам и при сегодняшней погоде он вполне мог сойти и за вечерний туалет, и за пляжный ан-

самбль.

Настроение мое упало окончательно, когда я призналась себе, что допустила серьезный просчет. Нет, два просчета. Первый – с едой, а второй... Дело в том, что Светлана видела меня и, думая, запомнила.

Этого бы не случилось, будь одна из нас дурнушкой. Но красивые женщины всегда машинально выделяют в толпе возможных соперниц. Запоминание тоже чаще всего происходит на подсознательном уровне. Мы встретились со Светланой взглядами, и оценка ею моей внешности была слишком выразительна, чтобы спутать ее с чем-то другим.

– SOS! – кричало ее подсознание. – На твоей территории опасная соперница!

Я почувствовала это, несмотря на то, что мысли Светланы в это время были далеки от меня и от окружающей ее действительности. Но мой опыт женщины и сыщика позволяет распознать мощный голос инстинкта под тонкой пленкой разума.

Как бы то ни было, нужно было сопровождать ее, куда бы она ни отправилась в столь ранний час. И я начала свое преследование, соблюдая все меры предосторожности, неизменные со времен Древнего Рима. Я не приближалась к ней ближе двадцати метров, срочно находила себе занятие, как только ее взгляд обращался в мою сторону, причем старалась это делать как можно натуральнее, используя по максимуму отведенные мне актерские способности.

К счастью, Светлана не обращала на меня внимания. Но в этом не было моей заслуги. Она не замечала ничего вокруг себя, полностью сосредоточившись на своих мыслях, по всей видимости – печальных.

У меня создалось ощущение, что вышла она из дома безо всякой цели. По крайней мере, первый час нашей «прогулки» не обнаружил в ее передвижениях никакой конкретной цели. Сначала Светлана посидела на лавочке в городском сквере, потом прошлась до набережной. Долго стояла у парапета, задумчиво курила, сбрасывая пепел в воду.

Все это напоминало мне какой-то старый – опять же французский – фильм. Да и сама Светлана в своих голубых джинсиках и с распущенными волосами очень напоминала героинь фильмов времен увлечения экзистенциализмом и темой человеческой некоммуникабельности.

В юности мне нравилась книжка «Здравствуй, грусть». Одно время я даже немного подражала ее героине. Фотографию сегодняшней Светланы вполне можно было поместить на ее обложке.

Французские ассоциации преследовали меня на каждом шагу.

Я вынуждена была повторять за Светланой не только ее маршрут, но отчасти и ее действия. Что еще можно делать, сидя или стоя на берегу реки, как не смотреть на пароходы. А вот курить одну сигарету за другой, как моя подопечная, мне вовсе не хотелось. Я вообще в последнее время стараюсь ку-

ритель поменьше. Тем более – на голодный желудок. Поэтому вместо очередной сигареты я купила себе мороженое с орехами и ела его теперь с забытым с детских лет удовольствием. И если бы не умопомрачительная жара, еще более невыносимая после утреннего дождя, можно было бы сказать, что время пролетало незаметно и не без приятности.

Казалось, что, помотавшись таким образом еще часик-другой, Светлана вернется домой. Но она вдруг вздрогнула и посмотрела на часы. После чего быстрым шагом направилась на троллейбусную остановку.

Я чуть было не подавилась своим мороженым и еле успела вскочить на подножку того же троллейбуса. Кто мог предполагать такую неожиданную смену темпоритма? А ведь именно так опытные люди уходят от «хвоста».

В троллейбусе было немногочисленно: кроме нас и кондуктора, я насчитала семь человек. И по всем правилам сыска мне не следовало в нем ехать. Но, во-первых, я не успела этого сообразить, а во-вторых – менять что-то было уже поздно.

Поездка в троллейбусе стала настоящей пыткой. Наверное, приблизительно так чувствовал себя Иванушка-дурачок в печке у Бабы Яги. А что храбрился и веничек просил – так это от молодечества и удалства. Париться в сауне без бассейна и элементарного душа – уже не удовольствие, а изощренный мазохизм. И все пассажиры вкупе с окончательно одуревшей и позабывшей про свои служебные обязанности бабушкой-кондуктором проклинали на чем свет

стоит и троллейбус, и жару, и всю свою несчастную жизнь.

Одна Светлана, казалось, ничего не замечала. Она по-прежнему сидела у раскаленного окна, поглощенная неведомыми мыслями. У нее явно что-то не в порядке с теплообменом. На ее месте я бы обратилась к врачу.

Я мечтала о моменте избавления от пытки и не чаяла, когда же, наконец, моя «железная леди» соизволит покинуть это пекло на колесах. И лучше в районе хладокомбината. Я бы залезла в холодильник и не вылезла бы оттуда до самой старости.

По закону подлости мы покинули троллейбус лишь на конечной остановке. У меня перед глазами плыли фиолетовые круги, и мысль о том, что еще вчера у меня были какие-то претензии к своей жизни, показались мне нелепыми и противоестественными. Оказаться сейчас в собственной ванной под ледяной струей даже под грохот дюжины отбойных молотков – казалось мне несбыточной мечтой и пределом желаний.

Я даже не сразу поняла, куда занесла нас нелегкая, тем более что в этом районе я бываю не часто. А в последнее время город меняется так стремительно, что за пару недель даже знакомые с детства улицы могут преобразиться до неузнаваемости. Это где-нибудь в Европе можно всю жизнь ходить в одну и ту же булочную и покупать у знакомого с детства продавца одни и те же фирменные пирожные. Мы этой радости лишены. И, может быть, к счастью. «Катящийся камень мо-

хом не обрastaет», – пели на заре своей юности бравирующие нонкомформизмом «Rolling Stones». Только по названию бывшего универмага, а ныне супермаркета я сообразила, что нахожусь в так называемом заводском районе.

«Какого лешего ей здесь понадобилось?» – невнятно прозвучала в голове ленивая мысль.

Еще в троллейбусе Светлана достала из мятой пачки сигарету и, как только оказалась на улице, жадно ее прикурила. За сегодняшнее утро она уже высадила полпачки, и если так дальше пойдет, то после обеда ей понадобится вторая. А мне-то казалось, что я много курю.

Светлана с решительным видом остановила какого-то парня и о чем-то его спросила. Судя по всему, поинтересовалась, который час. Перед этим она взглянула на свои часы, но, видимо, ее не удовлетворило время, которое они показывали. Так ведут себя те, кто опаздывает или не может дожидаться заветной минуты. И я приготовилась: кажется, близок момент, когда мне откроется, наконец, цель нашего изнурительного путешествия.

Но она снова уселась на лавочку. И мне захотелось убить. Безразлично, кого – ее или себя.

От этой мысли меня отвлек вид бочки с квасом, и ноги сами понеслись в ее направлении. Через несколько секунд я одновременно занималась тремя вещами: стояла в длиннющей очереди, наблюдала за этой сумасшедшей и потела, удивляясь тому, сколько из человека может выйти влаги.

Когда до заветного краника осталось всего два человека, Светлана вскочила как ужаленная и помчалась по улице в противоположную от бочки сторону.

Мне захотелось плакать.

Если бы в эту минуту меня спросили, какую информацию мне бы хотелось оставить людям перед смертью, я не сомневалась бы ни секунды. Перефразировав известную частушку, я завещала бы на вечные времена: «Не ходите, девки, в частные детективы. Ничего хорошего».

– А уж если вас угораздило, – бубнила я себе под нос, преследуя взбалмошную искательницу приключений, – связать свою жизнь с этой кошмарной профессией, то постарайтесь переехать в Заполярье. А лучше – на Северный полюс.

Но одновременно с раздражением и усталостью с каждой минутой гонки на выживание росло и любопытство: куда же приведет меня в конце концов явно чокнутая искусствоведша?

Сегодняшняя беготня напомнила мне мою детскую забаву. Наверное, уже тогда я играла в частного детектива, хотя называла это по-другому – «прилипалой».

Игру я начинала обычно в каком-нибудь незнакомом приморском городе, куда на каникулы меня вывозили родители. Оставив их загорать на пляже, я отправлялась бродить по улицам в поисках «подозрительного типа». И как только находила человека, который подходил под эту категорию, прилипала к нему намертво. Я могла часами преследовать како-

го-нибудь ничего не подозревавшего старичка только за то, что его шляпа показалась мне «странной». Следуя за ним по пятам, наблюдала все его действия и пыталась отгадать тайные помыслы.

Иногда слежка затягивалась до глубокой ночи. Бедные родители сбивались с ног, разыскивая меня по всему побережью, в то время как их чадо сидело в «засаде» у какой-нибудь пивной, дожидаясь, когда ее жертва наконец выпьет свою норму и вернется к жене и детям.

Игра по моим правилам могла закончиться только в двух случаях: если человеку удавалось от меня «улизнуть», и тогда я, чертыхаясь и проклиная «хитрющего Джонни», чуть ли не со слезами на глазах возвращалась к родителям. Более благополучным считался финал, при котором «этот хитрец отказывался от своего преступного намерения и ложился на дно». В переводе на нормальный язык это означало, что моя жертва, совершив все запланированные на день визиты, возвращалась домой, и дальнейшее наблюдение за ним лишалось всякого смысла.

И только однажды я пережила страшный «провал», когда «подозрительный» парень, за которым я проходила несколько часов, неожиданно развернулся на сто восемьдесят градусов и обратился ко мне с вопросом:

– Слушай, какого черта ты за мной ходишь? Влюбилась, что ли?

Особенно обидной мне показалась тогда его последняя

часть.

Сегодня же «игра» привела меня к обычному «офису», ничем не отличавшемуся от десятков своих двойников. И он, между прочим, был закрыт по случаю выходного дня. О чем и сообщала красивая табличка на двери. Но Светлану это не смутило, и она уверенно нажала кнопку звонка.

Через несколько секунд дверь отворилась, и симпатичный молодой человек с длинными ухоженными волосами до плеч встретил Светлану на пороге веселой улыбкой.

Перед тем как войти внутрь, Светлана оглянулась по сторонам. С детских лет я многому научилась, в том числе – маскировать собственное присутствие. Поэтому могла быть абсолютно уверена, что она меня не заметила.

Дверь закрылась. Я услышала, как в ее замке повернулся ключ. Теперь в моем распоряжении минимум... Я не стала конкретизировать количество минут, а рысью поскакала к бочке с квасом. Сюда мы дошли минут за пять, обратная дорога заняла у меня не больше минуты.

Не глядя на очередь, я бросила перед опешившей от моей наглости продавщицей десятку, выхватила у нее из рук полную кружку теплого напитка и осушила ее за несколько секунд. Все произошло настолько стремительно, что одуревшая от жары очередь даже не успела выразить недовольства по этому поводу. А я вернула пустую кружку и пролепетала со счастливой улыбкой на мокрых губах:

– Сдачи не надо.

– Ну ты даешь, – промолвила в ответ продавщица, которую мой поступок на некоторое время вывел из сонной одури, вызванной полуденным зноем и монотонной работой. И даже заставил улыбнуться. – С похмела, что ли?

– Ага, – ответила я почему-то.

– Бывает, – покачала головой продавщица и тяжело вздохнула.

Теперь я могла вернуться к делам Светланы и ее загадочному визиту.

Собственно говоря, ничего загадочного во всей этой истории, на мой взгляд, не оказалось. Я была даже разочарована той простотой, с которой удалось обнаружить не только место свиданий, но и сам объект преступной страсти. Парень был достаточно молод и хорош собой, чтобы превосходно подходить на эту роль. И место встреч – самое что ни на есть банальное. В прежние времена для этой цели использовали квартиры друзей-холостяков, теперь используют отделанные по последнему слову евродизайна офисы. И неважно, кому принадлежало помещение, сам ли «любовник» являлся его «клерком» или кто-то из его удачливых друзей давал ему ключи на выходные.

Теперь предстояло придумать, как раздобыть более существенные доказательства «факта физической измены», то есть фото– или видеоматериалы. Что обычно и завершает подобные поручения. Да, работка не из приятных, но я была готова предоставить клиенту все эти материалы в обмен

на обговоренную сумму. А там уж пусть сам решает: развиться, мириться или бить морду сопернику.

В любом случае мне нужно было дожидаться окончания воскресного «рандеву», чтобы проследовать теперь уже за вторым партнером по адюльтеру, чтобы определить место его жительства, а также имя, фамилию и место работы. Чтобы клиент имел возможность отыскать его в любую минуту. Схема подобных «операций» отработана давным-давно, и не мне ее менять.

Я перешла на противоположную сторону улицы, села за столик уличного кафе, взяла себе сока и мороженого, чтобы продолжить наблюдение с большим комфортом.

Теперь я могла спокойно проанализировать все увиденное, включая нюансы. А в них-то чаще всего и заключена истина, как ни претенциозно это звучит. Мне сразу же вспомнилось лицо и особенно глаза Светланы на протяжении всего сегодняшнего утра. Может быть, я не очень опытна в психологии семейных отношений, но всегда сумею отличить по внешнему виду влюбленную женщину, ожидающую встречи со своим избранником.

«Как ждет любовник молодой минуты первого свиданья...» Не случайно эти слова стали крылатыми. Они совершенно точно зафиксировали уникальное состояние души человека – «нетерпение сердца». Ничто в Светлане даже отдаленно не напоминало этого состояния.

Если судить по ее внешнему виду, чувство, которое ее

обуревало, это, скорее, «испепеляющая страсть». Именно она чаще всего не в ладу с нашей совестью и по всем признакам больше напоминает болезнь. Она в состоянии сосуществовать с любовью к мужу и привязанностью к детям, но всегда противостоит чувству долга.

На эту тему написано множество художественных произведений, и по жанру они ближе всего к трагедии.

В общем, если и в нашем случае налицо «испепеляющая страсть», то Светлане не позавидуешь. Но тогда понятными становятся приступы нежности к мужу, как способ искупить перед ним свою вину, а возможно, и как безуспешные попытки подменить с их помощью неуголенную страсть.

Запивая свои размышления ледяным соком, я настолько углубилась в «философские» проблемы любви, что чуть было не прозевала Светлану. Но, увидев ее, позабыла все свои теоретические выкладки.

На нее страшно было смотреть. С глазами, полными слез, она напоминала доведенного до отчаяния ребенка, делающего все возможное, чтобы не разреветься в голос. В какой-то момент я даже испугалась, что она в этом состоянии может натворить каких-нибудь глупостей. Вплоть до того, чтобы «наложить на себя руки», как писали в тех романах, которые я сейчас вспоминала.

Но один ее чисто женский жест убедил меня в безосновательности подобных опасений: Светлана достала из сумочки зеркальце и с помощью носового платка стала приводить

себя в порядок. Самоубийца редко занимается подобными процедурами.

И я отпустила ее с богом. Тем более что мне просто необходимо было увидеть теперь лицо ее партнера. Интуиция подсказывала мне, что по нему я многое смогу понять.

Красавец не заставил себя долго ждать...

Глава 3

Он появился, как Бельмондо в финале крутого боевика. С улыбкой победителя на губах и одетый с иголочки. Безусловно, он был красив, причем той красотой, что вроде бы и не пристала мужчине. Абсолютно правильные черты лица, ухоженная кожа, светлая с рыжеватым оттенком шевелюра, постриженная волосок к волоску.

В таких обычно влюбляются девочки в седьмом классе. Взрослые женщины чаще их избегают, а некоторые относятся с нескрываемым пренебрежением, называя всякими обидными кукольными именами. И в этом есть определенный резон. Мужчина должен выглядеть мужчиной, а не переодетой в мужской костюм конфеткой.

Ален Делон, напуганный подобной перспективой, полжизни проходил небритым.

Даже Сильвестр Сталлоне был бы немного «сладковат», несмотря на бугры мышц и тяжелую челюсть, если бы не добавлял постоянно во взгляд вселенской скорби.

А наш местный «супермен» не комплексовал по этому поводу и не пропускал ни одной витрины, чтобы не полюбоваться на свое отражение.

Я не случайно вспомнила о Сильвестре Сталлоне, поскольку любовник Светланы ко всему прочему был еще и прекрасно сложен. Правда, опять же – слегка чересчур.

Сильный, физически развитый мужчина со спортивной фигурой производит приятное впечатление на всех без исключения. И на меня в том числе. А вот разглядывать фигуры культуристов, которые доводят рельеф своей мускулатуры до патологии и проводят перед зеркалом большую часть свободного времени, – это, я вам скажу, удовольствие на любителя. Более того, мне кажется, внешность для мужчины вообще не имеет решающего значения. Тот же Бельмондо... Внешне – чуть ли не уродец, извините. Во всяком случае, красавцем его назвать трудно, с его-то длинным поломанным носом и оттопыренными ушами. И ведь несмотря ни на что – чертовски привлекателен!

Размышляла я о мужских достоинствах довольно долго. Потому что должна была самой себе объяснить, почему, несмотря на внешне безукоризненные данные, мужчина, за которым сейчас следила, не вызывал у меня никаких положительных эмоций. Я, например, при всем своем богатом воображении не могла представить себя с ним в более или менее интимной обстановке. А обтянутая белыми брюками попочка, именно «попочка», а не «задница», подобающая мужчине, так и вовсе вызывала у меня почти отвращение. Тем более что «любоваться» видом парня со спины мне пришлось довольно долго, поскольку он не пожелал воспользоваться никаким видом городского транспорта, и около часа я вынуждена была тащиться за ним по раскаленному городу. Последней каплей, заставившей меня почти возненавидеть

этого человека, стал приторный запах его одеколона, как по своему качеству, так и по количеству, потому что употреблял он его без всякой меры.

Одно обрадовало – оказались мы буквально в двух шагах от моего дома. «Красавчик» подошел к телефонной будке и набрал какой-то номер. Судя по тому, что во время недолгого разговора он поглядывал на часы, я сделала вывод, что он назначает кому-то встречу и договаривается о времени свидания.

«Надеюсь, это не женщина, – подумала я, – только сексуального маньяка мне не хватало».

Тем временем «красавчик» с довольным видом направился к ближайшему скверу и уселся на одной из скамеек.

Я поняла, что свидание состоится через несколько минут, и у меня появилась надежда, что я попаду все-таки домой. Чем скорее это произойдет, тем лучше. И не только потому, что за несколько часов на свежем воздухе мой голод разыгрался не на шутку (хотя это тоже достаточно веская причина).

Но главное – скоро должен позвонить Вениамин, чтобы договориться о передаче ключа от квартиры. Если со вчерашнего вечера ничего не изменилось, то через несколько часов ему предстояло отправиться на вокзал.

Я не собиралась посвящать его в предварительные результаты моих наблюдений, так что ключик вполне мог пригодиться. Установить скрытую камеру в квартире значительно

легче, чем в офисе, а судя по тому, что Светлана не отменила свидания даже в день отъезда мужа в командировку, она вполне могла привести любовника в квартиру мужа. И это значительно облегчило бы мне задачу.

Я расположилась в максимально удобном для наблюдения месте, откуда хорошо была видна лавочка. А за густыми зарослями кустарника сама я оставалась «невидимкой». В скверике почти не было людей, несмотря на воскресный день. Все нормальные люди старались в такую жару оказаться поближе к воде или уезжали «пасть» на дачные участки.

Я бы тоже с удовольствием оказалась в эти минуты где-нибудь на берегу Волги, часик поплескалась бы в прохладной воде. А потом с комфортом устроилась бы в шезлонге, умиротворенная и немногословная. И не покинула бы его до тех пор, пока чья-то добрая, скорее всего мужская, рука не протянула бы мне огромный шампур с нанизанными на него ароматными кусочками вымоченной в уксусе свинины.

Шашлык – какое аппетитное слово. Особенно если с самого утра у тебя во рту не было ничего, кроме мороженого и кваса. При одной мысли об этом я чуть не захлебнулась собственной слюной. И чтобы хоть немного отвлечься от навязчивой идеи, достала из пачки сигарету.

Но прикурить мне ее не пришлось.

Потому что именно в этот момент на лавочке «красавчика» появился второй человек. Я так и продержала сигарету незажженной, напрочь забыв про нее, пока счастливый лю-

бовник Светланы что-то оживленно обсуждал со своим знакомым, которым оказался... Вениамин.

Меня поразил не сам факт их знакомства. В наше время никого не удивишь тем, что любовником жены становится приятель ее мужа. Но их встреча сразу же после «рандеву» навела меня на чудовищные подозрения. В голове вертелись... даже не мысли, а какие-то обрывки, несвязные и слишком мерзкие, чтобы оформиться в законченную мысль. Вспомнился рассказ, кажется, Куприна о том, как молодой продаёт невинность своей жены за большие деньги. Этот кошмар я отбросила сразу же, потому что не могла соотнести его с реалиями жизни Вениамина и Светланы. Тем более что в этом случае он не стал бы обращаться к частному детективу.

Более достоверным был ошметок мысли о нанятом любовнике. Вениамин договорился с ним, может быть, даже заплатил ему... «Но зачем? – пыталась я уцепиться за новую версию, чтобы как-то объяснить себе происходящее. – Для чего ему это нужно?»

Встреча продолжалась достаточно долго, чтобы я успела перебрать несколько вариантов.

«Таким образом можно уличить жену в неверности и развестись с ней... Но ведь он так любит Светлану!»

– Да кто тебе это сказал? – опровергла я сама себя. – Он сам? Но ведь он режиссер и наверняка изучал актерское мастерство, поэтому разыграть мексиканскую мелодраму ему

ничего не стоило.

«Правильно, но для этого должно быть веское основание. Если, например, в случае развода Вениамину причиталась бы значительная сумма... Но это что-то из западной жизни. Или такое уже возможно и у нас?»

– Да что тебе известно о ней? – подсказывала наиболее циничная часть моей души. – Может быть, у нее папа-миллионер или бабушка в Америке не знает, куда девать доллары...

Но тут даже обрывки мыслей улетучились из моей головы: в этот момент Вениамин неловко и словно по принуждению достал из знакомой мне сумки увесистый на вид конверт и передал «красавчику».

«Вениамин ему платит», – констатировала я, потому что ничего другого это означать не могло. Все остальные идеи были досужими домыслами, а передача конверта – фактом. И от этого факта мне и следовало плясать в дальнейшем.

Мужчины сразу попрощались и разошлись в разные стороны. Почти на автопилоте, еще не пришедшая в себя после потрясения, я отправилась вслед за «красавчиком». На этот раз он предпочел трамвай, и вышел из него только в районе Четвертой Дачной.

Целый район в Тарасове хранит эти странные, давно не соответствующие действительности названия. Давно уже на месте бывших дач громоздятся корпуса заводов и даже жилые дома, а тарасовцы по-прежнему добираются до Пятой,

Шестой и Девятой Дачных. Причем многие уже не знают о том, что лет тридцать назад там действительно можно было легко собирать грибы, а зимой – кататься на лыжах. Теперь это даже не Новые Черемушки, «новостроек» там не больше, чем в любом другом районе.

Пройдя квартала четыре от остановки, «красавчик» вошел в стандартную жилую пятиэтажку. Я успела заметить, что по пути он захватил корреспонденцию из почтового ящика, а значит, шел к себе домой. Или, по терминологии моего детства, – «лег на дно». Только сегодняшний «хитрец» вряд ли отказался от своих преступных намерений. Хотя преступность его намерений еще нужно было доказать, но интуиция подсказывала мне, что это дело готовит мне сюрпризы именно такой категории. И чем дальше, тем меньше нравились мне его участники.

Я имею в виду мужчин.

Что касается Светланы, то она теперь выглядела в моих глазах уже не правонарушителем, даже в такой «невинной» форме, как супружеская неверность, а скорее жертвой преступного заговора.

Я не стала устраивать «засады» у дома «красавчика», записала его адрес, номер квартиры и наконец-то отправилась домой.

Как бы то ни было, кусок масла на кусок хлеба сегодня заработан честно.

По дороге я могла думать только о еде. И ни о чем другом. Войдя в свой подъезд и не услышав привычного грохота, я заподозрила недоброе. Чтобы в воскресный день никто не воспользовался случаем и не принялся переносить стенку, вырубать долотом дверь... Для этого непременно должен быть очень серьезный повод.

И я поняла, что произошло, как только, не разуваясь и не успев отдышаться, открыла холодильник. Вместо живительной прохлады оттуда пахнуло курятиной «второй свежести» и вылился ручеек теплой водички.

В доме с утра не было света. А при сорокаградусной жаре это – не просто неприятность, а настоящее стихийное бедствие.

Из морозилки, сохранившей низкую температуру только в названии, я достала припасенные на черный день пельмени. Нет, пожалуй множественное число тут неуместно. В пакете находился один пельмень – очень большой и совершенно бесформенный, что вовсе не испортило мне аппетит.

Я забросила эту штуковину в кастрюлю с кипятком и варила минут пятнадцать, исполняя танец радости по поводу того, что в нашем доме плиты газовые, а не электрические. После чего с помощью вилки и большого ножа порезала липкий ком «не то мяса, не то теста» на мелкие кусочки, обильно

полила теплым кетчупом и поперчила. По тому, с каким аппетитом я ела, сторонний наблюдатель принял бы сие блюдо за мое фирменное или даже за национальное. Да, нас, россиян, такой мелочью, как отсутствие электричества, не сломишь. И даже не удивишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.